

Александр Обертынский: «Мы сами не знаем, чем владеем»

Секретарь Союза кинематографистов России, уже 9 лет возглавляющий Донской союз кинематографистов, Александр Обертынский в свое время закончил филологическое отделение Ростовского университета. Публиковался в «Культуре», «Литературной газете», «Новом мире», вел педагогическую работу. Он – автор многих сценариев, документальных фильмов и книг, а сегодня и главный редактор издательского дома «Крестьянин» в Ростове-на-Дону.

Петр Черняев: Александр Яковлевич, у каждого автора есть своя заветная тема в кино. Какова ваша тема?

Александр Обертынский: У нас на Дону – раздолье степей, это край Михаила Шолохова, и мои любимые темы – это природа и Шолохов. Вдова писателя Мария Петровна мне первому в свое время дала интервью. Знаете, кстати, насколько все не соответствует действительности в каталогах наших фильмохранилищ! Например, кадры, где писатель диктует свои книги, проаннотированы так: «Шолохов с секретаршей». А это его жена! У Шолохова никогда не было секретарши – ему все печатала супруга. Но всем все до фонаря. Поэтому, говоря о документальном кино, надо говорить не только о правильном хранении старых лент, но и о каталогизации, ведь мы ходим по золотому дну – многие готовы покупать то, что у нас есть. А мы сами не знаем, чем владеем.

П.Ч.: Расскажите, как вы входили в кино.

А.О.: Еще студентом начал работать редактором на ростовском телевидении, потом – в журнале «Дон» и на киностудии вольным сценаристом. Параллельно написал диссертацию о позднем Льве Толстом, но тогдашний директор института, прочитав ее, сказал, что я не советский человек. И у меня к литературоведению интерес пропал. Вернулся в журнал «Дон», куда меня приняли как кинокритика, и на студию. А когда началась эпоха демократии, то в журнале и на студии зарплату перестали платить, и мы с моим другом, корреспондентом Володей Фоминым, не имея ни копейки денег, стали в 1991 году выпускать газету «Крестьянин», создали акционерное общество, набрали безработных писателей, и теперь у нас Издательский дом, 8 газет.

Донские кинематографисты не уходили бы от кино, но что делать, если в позапрошлом году у нас на студии был снят всего один фильм, если там все – пенсионного возраста? Может, возьмет нас под крыло Национальная киноакадемия? Мы могли бы создать свое бюро пропаганды кино, выпускать программы на дисках, вести медиаобразование, привлечь общественное внимание к работе деятелей визуального искусства.

П.Ч.: Ваши фильмы имели призы?

А.О.: Недавно в Питере проходил экологический фестиваль. Туда послали сделанный нами спецвыпуск журнала («Зона не для всех»), и он был удостоен приза за оригинальное решение темы. А главные мои награды – первый приз на фестивале в Паневежисе за фильм об одиночных пчелах, где я был сценаристом и режиссером, и приз на Всесоюзном фестивале в Баку за фильм «Птицы и звери у себя дома». Наш с Климом Лаврентьевым фильм «Что такое, кто такой?» получил приз в Румынии, был продан в пять стран. Для этой ленты в течение почти года мы сняли 32 вида зверей и птиц. Сняли даже птицу шурку, которая летает так стремительно, что ее почти не видно, и которая вся как попугай – разноцветная. «Неужели у нас такие птицы есть?» – спрашивали меня. Все поразились тому, сколько у нас разнообразной живности. Во время тех съемок я сделал для себя много открытий. Например, узнал, что зайцы великолепно плавают. А чего же дед Мазай их спасал? – спросите. Так ведь март месяц – попробуй, поплавай! Когда зайцы плывут, они прижимают уши к спине – издали не разберешь, то ли это собака плывет, то ли кто другой.

П.Ч.: А что такое одиночные пчелы, о которых вы упоминали?

А.О.: Это пчелы, которые живут не с роем, а сами по себе и опыляют люцерну. Они живут на пустошах, в застрехах, а сейчас ни того, ни другого нет. Обратите внимание: у нас собирают полтора центнера люцерны с гектара, а в Канаде – 12. Потому что они специально разводят одиночных пчел. Дело в том, что люцерна – загадочное растение. У нее есть пестик, который ударяет пчелу по башке, когда та суется в цветок. Шмелю такой удар не страшен, а пчела, получив удар, больше на люцерну не летит и потому плохо ее опыляет. А одиночная пчела тем интересна, что умеет от этого удара уворачиваться – какой-то природный инстинкт срабатывает: она подныривает, и пестик бьет ее по касательной.

П.Ч.: А как вы узнали, что зайцы плавают?

А.О.: Хотели снять сидящего зайца. Обычно мы видим их лежащими или бегущими, а нам захотелось снять комфортно сидящего зайца. Мы решили его поймать, посадить под ящик, а потом убрать ящик и снять, как зайка будет смешно сидеть и оглядываться. Но только подняли ящик – заяц прыг от нас в реку и поплыл. За семь минут перемахнул ее, выскочил, мотнул ушами и убежал... У нас в фильме шла мысль о том, что больше вредят природе не браконьеры, а сами работники сельского хозяйства, а был такой кадр: идет комбайн, а перед ним в траве копошатся, что-то клюя, куропатки. А куропатка ведь сидит на одном месте не будет, если она не привязана. Поэтому мы сняли этот кадр с помощью аквариума. Наловили куропаток (их легко поймать), накрыли чисто вымытым аквариумом. Сначала птицы начали биться о стенки, но у них очень энергичный обмен веществ, им быстро начинает хотеться есть, и наши куропатки, как все куриные,

начали рыскать вокруг себя, искать еду, потом опять стали биться – и так до трех раз. И когда потом подняли крышку, увидели, что они спокойно стоят на одном месте и клюют, даже если перед ними работает комбайн. Мы так сделали – и все получилось. Потом мне позвонил с телевидения Василий Песков, чтобы узнать секрет. «Скажу, если вы приедете», – и он приехал в Ростов, а потом наши кадры с куропатками были у него в заставке передачи «В мире животных», а с самим Песковым мы дружили много лет.

П.Ч.: Вернемся к делам союзным. Каковы отношения Донского союза кинематографистов со структурами власти?

А.О.: Хорошие отношения со всеми структурами – городскими и областными. Однако Дом кино – в период отбирания домов у других творческих союзов – хотели у нас отобрать. Мы убеждали, что у Союза кинематографистов это – единственный источник дохода: если его не будет, стариков не на что будет похоронить. Нам говорили: давайте, акционируйте свой Дом, и каждый из вас что-нибудь получит. «Дом кино – собственность тех, кто был до нас, и тех, кто будет после нас, а не только тех, кто в данный момент оказался при этом Доме!», – говорил им я. Мы яростно бились. Проверки шли каждую минуту. Валентину Бурдикову, директора Дома кино, вообще арестовали. Ей говорили: «Чего вы упираетесь? Дом кино уже и без того наш». – «Как ваш? У меня же все документы». – «Это ваши документы, а есть настоящие!». В милиции нашим сотрудникам сказали: «Все увольняйте!». Таким же способом у нас, помнится, отнимали и Дом просвещения: все уволились, один директор остался – и работа прекратилась. Но наши девчата ни разу не дрогнули. Меня коллеги из других союзов прекакали: «Вот ты везде огрызаться – у тебя первого и отберут, а мы будем ласковыми – нам оставят». А я говорю: «Вот у вас-то как раз и отберут». Помогло победить то, что я являюсь редактором городской газеты. Всякие незаконные нападки на ростовский Дом кино я тут же освещал в печати. Аргументы наших оппонентов были таковы: да, документы о том, что Дом кино строил Союз кинематографистов, есть, но платежей-то – нет! И никто не слушал, что Дом строили в 1972 году, а платежи, по правилам, хранятся лишь 5 лет, и искать их через 20 лет – смешно. Мне говорили: «Марьямов-то вам средства выделял, но докажите, что они доходили по назначению!» Жуткое шло тогда на меня давление...

П.Ч.: Каковы отношения у вас с Никитой Михалковым?

А.О.: Сколько мы ни обсуждали проблемы Союза – я всегда за Михалкова. Потому что на наши просьбы он откликался. Помню, когда я однажды был в Москве на Пленуме, мне позвонил мой помощник: «Александр Яковлевич, отбирают Дом кино!». А наш губернатор Владимир Чуб находился как раз в Москве. Я сидел в тот момент в президиуме. Подскакиваю к Михалкову: так и так, сейчас надо ехать к губернатору, иначе Дом кино потеряем. Он вскочил: «Я иду на встречу с губернатором. Поехали вместе». А потом губернатор сделал жест доброй воли: вызвал меня, спросил, какие у нас есть претензии. И получился у нас с Владимиром Федоровичем Чубом хороший разговор. А у него окна как раз выходили на кинотеатр «Буревестник», в котором ничего не шло. Тогда в нашем миллионном городе не было ни одного кинотеатра, лишь «Юбилейный» в районе «Россельмаша» теплился, а ведь было когда-то 12 кинотеатров. И Чуб по громкой связи отчитал своих подчиненных: «Почему в «Буревестнике» ничего не идет?! В течение года запустить его в действие!». Но мы открылись раньше, чем они: нашли частную компанию, которая согласилась бесплатно поставить в Доме кино оборудование «долби», чтобы потом мы им отдавали 35% от прибыли. Это было первое «долби» в Ростове, и народ повалил – ого-го! Чуб дал распоряжение к нам не приставать. С той поры живем в согласии с властью. Но эта дружба не имеет финансовых основ: городские структуры ничего нам не дают.

П.Ч.: Сейчас вы уже не одни в Ростове – открылись «Киномакс-Победа» на Садовой, кинотеатр «Ростов», возрожден «Буревестник».

А.О.: Это конкуренты, с которыми трудно тягаться по многим причинам. У нас маленький зал – 178 мест, а у них – 500-600, местоположение наше не слишком сейчас удачное: весь Пушкинский бульвар, по которому к нам идти, перерыв, ночью можно упасть, сломать ногу, а у них все кинотеатры расположены около автобусных остановок. И, главное, частные фирмы при решении вопроса, какой фильм взять напрокат, пользуются «черным налом», «неуценкой». Приезжают к прокатчику: «Ну, ты мне дай», – и получают. А я приезжаю – ну, рыбка могу дать и все (смеется).

П.Ч.: В вашем Доме кино идет что-то интересное, особенное?

А.О.: В июне у нас проходил, например, «Фестиваль неформального кино». Это были авторские фильмы: серьезные, проблемные, даже страшные картины. Девять сеансов прошли с полным аншлагом. Для того, чтобы собрать в зал людей, мы сделали хорошую пресс-конференцию, организовали рекламу. Но постоянно платить за рекламу нет денег. Недавно пришло письмо с предложением провести у нас в Доме кинофестиваль детективного кино. Это мероприятие не для такой маленькой площадки, как у нас, но мы согласились. Но следом пришло письмо губернатору с просьбой, чтобы он этот фестиваль оплатил. Мне от губернатора звонят: «Что это за письмо? Наивные люди! Среди года просят, чтобы бюджетная организация что-то оплатила. Не понимают разве, что все складывается в бюджет заранее? Это только спонсоры могут в любой момент оплачивать. А мы если только сервисом поможем... Я считаю, что нам сейчас нехватает не денег, а идей и инициативных людей.

П.Ч.: Какие острые проблемы кино вы видите?

А.О.: Вранье, что нам не хватает денег на производство фильмов. У нас нет нормального проката, который помогал бы строить репертурную политику. Особенно нуждаются в прокате документальные фильмы. В советской России система их проката была. И это не то, что перед фильмом показывали журнал – то был не прокат, а обязательство: а вот по-настоящему интересные фильмы демонстрировались у нас на всех партахозактивах, на праздниках. Хотя ленты были не только «ура-ура!», а и проблемные. Говорят, потребности в них сегодня нет. Знаете, восточную мудрость: сложно напоить осла, который не хочет пить.

Вот у нас в Ростове выпускаются киножурналы. Кто их видит, куда они идут? Я вас уверяю, что кроме отдельных кинематографистов их не видит никто. Но их снимают исправно из года в год: это, дескать, будет летопись нашей страны. Я говорил Швыдкому и Голутве, что снимают

в них то, что снимали и при советской власти – торжественные собрания и народных умельцев. Каждый летописец имел некую идеологию – он знал, что надо, а что не надо описывать. Летопись – что бы ни говорили – не для потомков, а для нынешнего политического потребления. Мое предложение простое: нужна государственная стратегия, государственная поддержка, чтобы фильмы делались социально важные, на заказ. Но у нас само государство не знает, чего оно хочет – вот и стареют, умирают без работы режиссеры, операторы; другие работают, но исхалтурились: ведь нельзя так делать кино, когда тебе дают денег на две недели съемок, а потом ты три месяца ждешь продолжения, видя, что это никому не нужно, и теряя веру в себя.

П.Ч.: Скажите пару слов о Ростовском техникуме.

А.О.: Он в России, кажется, остался единственным в своем роде. Высшее инженерное образование дает знаменитый ленинградский ЛИКИ, а техникумы закрыты. Поэтому в наш кинотехникум сейчас поступить трудно – ажиотаж. Он готовит киномехаников, кинооператоров и техников по ремонту киноvideоаппаратуры, потому что эту аппаратуру вообще нельзя запускать, если рядом нет механика. Это мощный техникум, который дает хорошие кадры. И Голутва на Пленуме сказал, что он не против того, чтобы сделать в ростовском техникуме отделение медиаобразования. Почему мы учим тому, как читать и понимать литературу, и не учим понимать киноизображение? Во всем мире этому учат, кроме России и третьих стран.

П.Ч.: Александр Яковлевич, а какую территорию охватывает ваш Донской Союз кинематографистов?

А.О.: Союз называется Донским, но охватывает территорию, на которой работала Ростовская киностудия документальных фильмов – от Подмоскovie до Северного Кавказа. И все кинематографисты, работавшие здесь, вступили в Союз в Ростове. Наши члены живут в Туле, Курске, Рязани, Ставрополе, Белгороде, Краснодаре. Это, конечно, осложняет общение. Вот сколько у нас было собраний последнее время, и все не приезжают, а присылают по факсу доверенности. Да и средства нужны, чтобы людей вызывать, оплатить им гостиницу и дорогу. Но иногда мы их вызываем даже в Москву. Вот выдергивали нас в этом году на Московский международный кинофестиваль.

П.Ч.: Сколько у вас в Союзе членов?

А.О.: Последний раз я подсчитывал – около 50-ти. После Екатеринбургского Союза наш – следующий по количеству. Дом кино – практический наш единственный источник существования. Москва нам ничего не дает. Но мы никогда ничего оттуда и не просили. Вот только ремонт недавно делали, и я попросил у Михалкова 150 тысяч, но денег так и не дали. Так что делаем все своими силами, включая доплаты всем пенсионерам-кинематографистам, которые не работают. Они сдают трудовую книжку в СК, и мы доплачиваем им 250 руб. в месяц. Немного, но все-таки. Даем до 500 рублей лечебных, если нам приносят документы. И оплачиваем (конечно, по скромному варианту) все юбилеи, похороны и творческие командировки.

П.Ч.: В Доме кино показываете работы членов Союза?

А.О.: Редко. Конечно, члены Союза начинают ворчать: «Наш Дом кино – а наших фильмов там нет!». Их показывают, но только на специальных сеансах, иначе это не ложится в концепцию репертуара. Как-то раз говорю директору Дома кино: «Валя, пойдй на студию и возьми фильм энтузиаста, который больше всего настаивает на показе». Взяли такой фильм американским фильмом – так режиссера чуть не побили: «Что вы нам показываете?!». Ну, не ложатся эти картины в тот ряд, что идет в кинотеатрах. Другой сегодня зритель, он за другим пришел. Была бы наша воля, мы бы делали совсем другой репертуар, отличный от программ частных больших кинотеатров. Пусть они работают на голливудских ужасниках, блокбастерах, а мы бы крутили свое, но... Вот 20 июня, когда в Москве шел МКФ, у нас проходил «Фестиваль неформального кино». Шли авторские фильмы, немасовые, серьезные, проблемные, даже страшные картины. Девять сеансов прошли с полным аншлагом! Для этого мы делали хорошую пресс-конференцию, организовали рекламу. Но каждый раз нам такое устраивать нелегко...

Беседу вел Петр ЧЕРНЯЕВ